

Место психики в сконструированном мире

Кеннет Дж. Джерджен

Gergen, K. J. (1997). The place of the psyche in a constructed world. *Theory & Psychology*, 7(6), 723-746.

Перевод Андрея Корбута

В последние годы интерес к семейству идей, которые приблизительно носят ярлык «социально-конструкционистских», заметно вырос и теперь охватывает всю область социальных и гуманитарных наук. Перед конструкционистскими исследователями стояла задача понимания способов производства, трансформации и вытеснения того, что мы считаем объективным знанием; изучения литературных и риторических приемов, посредством которых значение приобретает и делается обязательным; освещения идеологической и ценностной нагруженности того, что не замечается или считается само собой разумеющимся; фиксации влияния практик сконструирования мира на распределение власти; выявления отношений, в которых рождается ощущение реального и правильного; определения исторических корней и чередований различных форм понимания; исследования диапазона изменчивости человеческих смыслов в разных культурах. Систематизации данных направлений активности я посвятил значительную часть своей книги «Реальности и отношения» (К. J. Gergen, 1994a). Однако на фоне живого интереса в академической сфере психологи остаются относительно нечувствительными к конструкционистским постановкам. Социальный конструкционизм фактически отсутствует в психологических дискуссиях по поводу психического функционирования и дисфункций.

Существует много причин общей отгороженности психологической науки от этого интеллектуального течения. Определенно, одна из наиболее важных — фундаментальный, по мнению многих, антагонизм между психологическим и конструкционистским проектами. Для традиционной психологии психические процессы — не только главный предмет исследования, но и основная точка опоры при объяснении человеческих действий. В социальном конструкционизме, напротив, в фокус понимания попадает не «психика», а социальные отношения. Все, что психология сводит к ментальным началам, конструкционисты объясняют микросоциальными процессами. Если бы психологический проект был целиком доказан, в мире человеческой деятельности не осталось бы ничего, к чему можно было бы применить социальный конструкционизм. Но равносильно и обратное: подтверждение конструкционизма означало бы конец психологии.

Однако столь неутешительный вывод не всецело неизбежен. Он вытекает в первую очередь из реалистической метафизики и корреспондентного взгляда на язык, разделяющих общее представление о науке, согласно которому есть только одна, познаваемая реальность, а теории соревнуются друг с другом в достижении объяснительного и предсказательного превосходства. Именно такое представление о науке исторически способствовало зарождению периодически возобновляющейся войны между бихевиоризмом, искоренявшим всякий ментализм, и когнитивизмом, репрессировавшим бихевиористские голоса. Но конструкционистские исследователи, как правило, не придерживаются ни реалистической метафизики, ни корреспондентной теории языка. С конструкционистской точки зрения ничто не может оправдать основополагающих утверждений о реальном; что бы мы ни считали существенным, оно является результатом социального взаимодействия. Теории фальсифицируемы не в силу их несоответствия чему-то, что называется «реальным»,

а лишь в пределах конвенций, существующих внутри определенных анклавов значений. Таким образом, конструкционисты не имеют трансцендентальных оснований для исключения какой-либо теоретической формулировки. Более того, уничтожение той или иной теоретической перспективы было бы равносильно не только утрате одной из форм человеческого понимания (и связанных с ней социальных практик), но и лишению голоса сообщества, производящего значения. Конструкционистская метафизика делает практически невозможным нахождение оснований для подобного рода вытеснения. Многие бы сказали, что имплицитная этика конструкционизма глубоко плюралистична (см., например, Sampson, 1993) [1].

Как тогда, в свете конструкционистской метатеории, нам следует рассматривать профессиональные инвестиции в психологические исследования, обеспечение психического здоровья, политическое консультирование и другие практики, основанные на онтологиях ментальных процессов? Если онтология сознания перестает служить искоренению чего бы то ни было, то какая роль ей отводится в конструкционистском подходе к человеческой деятельности? Или наоборот, каково место социального конструкционизма в психологии? Как раз здесь на первый план выходит конструкционистский интерес к прагматике употребления языка. Для конструкциониста язык не является ни картиной, ни картой происходящего; скорее (согласно Витгенштейну [Витгенштейн, 1994]), он приобретает значение при употреблении в человеческом взаимодействии (его использование может так же включать «игру в установление реальности»). С этой точки зрения любой анализ научных или исследовательских описаний мира должен быть направлен в первую очередь (хотя и не исключительно) на определение того, как употребляются соответствующие языки. В каких типах отношений они играют важную роль, и как влияют конкретные формы употребления языка на тех, кто прямо или косвенно вовлечен в эти отношения? При такой оценке не может быть канонического списка критериев, поскольку разные сообщества будут разделять различные интересы, которые могут изменяться с течением времени и в зависимости от обстоятельств. Кроме того, способ постановки подобных вопросов и ответа на них тоже должен быть рассмотрен как продукт сообщества, так как и вопросы, и ответы не вытекают из «реальности», а отражают предпочтения и конвенции, разделяемые сообществом в данный момент. Это не дискредитирует подобное исследование; вряд ли можно совершать нечто большее, чем поднимать вопросы о реальном и правильном в определенных традициях. Скорее академический и научный дискурс открывается всему диапазону релевантных сообществ (см. так же Фейерабенд, 1986), но ни одному из них не гарантируется исключительное «право на оценку», из-за которого могут замалчиваться другие голоса.

В этом контексте я бы хотел обсудить три главные ориентации в отношении психологического исследования, вытекающие из конструкционистской метатеории. Эти ориентации можно различить согласно их оценочной установке. В частности, мы попытаемся сначала выделить логики этих признанных и только становящихся ориентаций, и затем изучить их потенциал. Поэтому мы осуществляем двухуровневый анализ, во-первых, рассматривая психологическое исследование с различных конструкционистских точек зрения и, во-вторых, рефлектируя сами эти точки зрения. Первая из ориентаций, делающая акцент на *денатурализации, рефлексии и демократизации*, наиболее полно представлена в конструкционизме и наиболее критична в отношении существующей психологической науки. В то же время ее позитивное значение для психологии еще не нашло должного отражения. Вторая ориентация, *ревитализация и обогащение*, гораздо позитивнее воспринимает психологическое исследование. Хотя развита она слабее всего, ее разработка имеет ключевое значение для будущего дисциплины. Наконец, я хотел бы рассмотреть конструкционистские усилия по избавлению компендиума психических предикатов от некоторых из его проблематичных свойств и по реконструкции соответствующего дискурса в более обещающем ключе. Попытки такой *социальной реконструкции* все

чаще предпринимаются в последние годы, но их внутренние тенденции и широкие следствия до сих пор не обсуждались. С помощью такого анализа мы можем прийти к более разностороннему пониманию отношений между психологическими и конструкционистскими практиками, оценить близость и взаимосвязь традиционного и конструкционистского подходов в психологии и показать необходимость большей скромности при любых формах производства смысла.

Денатурализация, рефлексия и демократизация

Помимо главной угрозы, существует множество других причин отказа большинства психологов от участия в обсуждении социального устройства знания. Несомненно, одна из них — критическая позиция многих сегодняшних конструкционистов, стремящихся к ниспровержению авторитета психологической науки. Кроме того, в силу ограниченности форм аргументации, используемых, за редким исключением (ср. Held, 1995), эмпирическим крылом психологии, его представители не смогли ничего противопоставить обвинениям в свой адрес. Ни указания на открытия в методологии и статистике, ни обращение к «установленным фактам» — предпочитаемые в традиционной эмпиристской аргументации ходы — не признаются в качестве обоснованных возражений на конструкционистскую критику. Однако критика — это не «все», что есть в конструкционизме; выдвигаются самые разные аргументы. Для того чтобы оценить масштаб этих критических усилий, а также их возможности и недостатки, надо разделить их на несколько направлений, в основе которых лежат три отдельные, хотя и пересекающиеся, линии рассуждения: *идеологическое разоблачение, риторическая деконструкция и социальный анализ.*

В случае идеологического разоблачения конструкционистские критики указывают на социальное воздействие психологических способов описания и объяснения человеческой деятельности. Профессиональные интерпретации, несущие на себе печать научного авторитета, рассеиваются в культуре, определяя поступки людей и влияя на социальную политику. Говоря словами Фуко (Foucault, 1980), существует тесная связь между притязаниями на знание и культурной властью. Учитывая, что психологическая наука способна порождать многочисленные и разнообразные образы человеческой личности, выбор того или иного описания и объяснения ведет к определенным моральным и политическим последствиям. В этом контексте профессиональная психология становится главной мишенью критики, усиливающейся вследствие очевидно ложных заявлений дисциплины о своей ценностной нейтральности. Так, многие ученые показали, каким образом существующие психологические описания (и практики, которые они поддерживают) ведут к усилению правительственного контроля (Rose, 1990), разрушению демократических институтов (Deese, 1984), поощрению нарциссизма (Wallach & Wallach, 1983), распространению индивидуалистской идеологии (Fowers & Richardson, 1996; Sampson, 1977), распаду сообществ (Bellah, Mansen, Sullivan, Swidler, & Tipton, 1985; Sampson, 1977), сохранению патриархального порядка (M. M. Gergen, 1988; Hare-Mustin & Marecek, 1988; Morawski, 1994), проникновению западного колониализма (Gergen, Gulerce, Lock, & Misra, 1996) и т. д.

От этой формы критики заметно отличается *литературная и риторическая деконструкция.* Представляя собой смесь течений в континентальной семиотике, постструктуралистской теории литературы и риторических исследованиях, она в данном случае утверждает, что любые осмысленные пропозиции, касающиеся людей, включены в более объемлющую систему значений. Если говорить широко, то понятность пропозиции зависит от ее положения в этой системе, а не от референциальных связей с лингвистическими явлениями (например, моя способность конструировать понятные высказывания о природе «любви» зависит в первую очередь от текстуальной истории, а не от наблюдений за «самим феноменом»). Исследователи риторики так же вносят важный вклад в изучение

текстуально обусловленного характера психологического дискурса, демонстрируя, как этот дискурс ограничивается или оформляется в соответствии с его функцией в социальном взаимодействии. При этом показывается, что описания и объяснения психической жизни зависят главным образом от требований, которым должен следовать оратор, чтобы быть понятным («убедительным») в определенной аудитории (например, язык, нужный для того, чтобы сделать «любовь» понятной ребенку, романтическому партнеру, священнику или аборигену из Новой Гвинеи, будет в каждом из этих случаев совершенно разным). Поэтому основания осмысленности часто прослеживаются в различных риторических тропах, таких, как нарратив или метафора. Например, не взирая на «данные», при описании человеческого развития исследователь не может не подчиняться требованиям «правильного рассказывания истории».

В этом аргументативном контексте проблема профессиональной психологии видится не в ее дискурсивных предпочтениях *per se*, а в ее претензии на объективную обоснованность этих предпочтений. Как указывается, притязания на объективность заглушают конкурирующие голоса; дискурс объективности и политический тоталитаризм тесно связаны. Конструкционистская критика разоблачает литературные и риторические стратегии, придающие осязаемость (объективность, понятность, удачность) пропозициям, касающимся психического мира. Один из первых образцов такого разоблачения предоставлен Смедслундом (Smedslund, 1978), попытавшимся показать, что большинство экспериментальных гипотез в психологии нельзя фальсифицировать до тех пор, пока фальсификации не будут лингвистически соответствовать им. Я в свою очередь постарался доказать, что любые пропозиции, устанавливающие связь психических предикатов с внешним миром (стимулом или реакцией), цикличны; их осмысленность строится на имплицитных тавтологиях (К. J. Gergen, 1987; см. также Wallach & Wallach, 1994). Кроме того, исследователи обнаружили, что теории сознания не вырастают из наблюдения (индуктивно), а опираются на господствующие метафоры (см., например, Gigerenzer, 1996; Soyland, 1994) и культурные конвенции нарратива или рассказывания историй (К. J. Gergen & M. M. Gergen, 1986; Sarbin, 1986). Они выяснили, каким образом «факты» когнитивной дисфункции («иррациональности») создаются при помощи риторических тропов (Lopes, 1991), как «Руководство по публикациям Американской психологической ассоциации» утверждает имплицитные предположения о человеческой деятельности (Bazerman, 1988), а также как подобные руководства ограничивают формы коммуникации и отношений внутри психологии и между психологией и культурой (Budge & Katz, 1995).

Третья логика конструкционистской критики, *социально-аналитическая*, стимулируется значительными достижениями в социологии знания и истории науки. Разрабатывавших эти направления ученых в частности интересовало, как социальные процессы придают форму профессиональным предположениям о предмете изучения, методологиям и особенно выводам о природе мира (см., например, Кун, 1975; Latour & Woolgar, 1979). Для психологии здесь наиболее важен тот аргумент, что исследователи определяют обосновывающие допущения, в рамках которых будет проводиться исследование, в ходе социального обсуждения. После того как в отношении обосновывающих допущений («парадигм») достигнут консенсус, любые интерпретации данных будут неизбежно подтверждать его; парадигмы не «проверяются» фактами, они определяют, что будет считаться фактом. Критический аналитик, развивающий такой подход, разделяет обозначенную выше озабоченность беспочвенными и тоталитарными претензиями научной психологии на окончательное и объективное истолкование сознания. Разоблачение социальных процессов, вовлеченных в производство «научной истины», служит дополнительным средством проблематизации устоявшихся внутридисциплинарных границ. Традиционная вера в возможность получения истины посредством метода толкает субдисциплины к изоляции и замыканию в себе, т. е. к исключению себя из более широкого

диалогического поля как в академической сфере, так и в обществе. Поэтому социальная критика служит катализатором более широкого обмена.

Социальная критика в психологии на первых порах нашла поддержку в этнометодологических исследованиях социальных соглашений о фактичности (например, о суициде [Garfinkel, 1967] и генде [Kessler & McKenna, 1978]), а также в теории навешивания ярлыков девиации (Spector & Kitsuse, 1977). Позже исследователи начали изучение способов социального конструирования многих «психических процессов», включая когнитивные способности (Coulter, 1983), гнев (Averill, 1982), эмоции (Harr_, 1986), шизофрению (Sarbin & Mancuso, 1980), развитие ребенка (Bradley, 1989), сексуальность (Tiefer, 1992), анорексию и булимию (Gordon, 1990) и депрессию (Wiener & Marcus, 1994). Эта линия критики была продолжена в многочисленных работах, авторы которых попытались обнаружить исторические и культурные контексты возникновения предположений о психологических явлениях. Ученых-историков заинтересовали социальные контексты появления, например, человеческих конструкций вони и аромата (Corbin, 1986), психического развития (Kirschner, 1996), расстройства множественной личности (Hacking, 1995), скуки (Spacks, 1995) и испытуемого в психологических экспериментах (Danziger, 1990) [2]. Культурные антропологи выявили культурную обусловленность различных концепций сознания (см., например, Bruner, 1990; Heelas & Lock, 1981; Lutz, 1988). Фактически с обнаружением связи между само собой разумеющимися представлениями о сознании и локальными обстоятельствами под вопросом оказываются также и связанные с ними допущения науки об «одном предмете», единственной методологии и универсальной генерализации.

Три рассмотренные линии критического исследования (часто разрабатываемые вместе) неизбежно ставят под угрозу традиционную эмпирическую психологию. Они подрывают как идею эмпирической обоснованности профессиональных претензий на истину, так и основную побудительную причину традиционных исследований, а также притязания психологии на власть в культуре. Тем более, что критики часто сами способствовали формированию ощущения неотвратимости отказа от психологического исследования. Это хорошо видно по заголовкам книг, опубликованных под редакцией Паркера и его коллег: «Деконструируя социальную психологию» (Parker & Shotter, 1990) и «Деконструируя психопатологию» (Parker, Georgas, Harper, McLaughlin, & Stowall-Smith, 1995). Однако такое «похоронное» заключение безосновательно. Как говорилось выше, среди конструкционистских предпосылок нет ни одной, которая бы требовала исключения какой-либо формы дискурса. Несмотря на то, что конструкционистская критика часто кажется нигилистической, саму ее невозможно ни обосновать, ни легитимировать. Она тоже жертва своих критических аргументов; ее описания неизбежно выражают этические и идеологические предпочтения, заданные конвенциями письма и нацеленные на достижение риторического превосходства, а ее «объекты критики» сконструированы внутри и для определенного сообщества. Эти объекты — такие же конструкции, как и традиционные объекты исследования, поэтому у ее моральных претензий нет трансцендентальных оснований.

Более того, даже в соответствии с конструкционистскими стандартами у эмпирического исследования могут быть мотивы. Одним из центральных тезисов конструкционистской метатеории является тезис о немиметичности языка, т. е. о том, что язык функционирует не как картина или карта независимого мира, скорее, он перформативен и конститутивен, и сообщества собеседников используют его в целях осуществления отношений, в том числе для локального утверждения реального и правильного. Как я показал в другой работе (K. J. Gergen, 1994a), такой подход не исключает эмпирическую науку; он просто отказывает ей в праве говорить об истине вне сообщества. Конструкционистские аргументы, например, не призывают к прекращению медицинских исследований. Конструкционист лишь фиксирует, что соответствующие онтологические категории, включая определения «болезни» и

«лечения», надо рассматривать не как трансцендентально точные отражения действительности, а как продукты исторически и культурно ограниченного, идеологически обремененного разговора, исполняющего определенные социальные функции. Психологи точно также способны должным образом применять концепции психических процессов в эмпирическом исследовании, и это исследование может быть использовано для предсказания в других секторах культуры (например, предсказания итогов голосования, приговоров присяжных или уровня самоубийств). Конструкционизм утверждает главным образом то, что не существует оснований для приложения эпитета «истинный» к языку, используемому в подобных практиках. С другой стороны, конструкционизм побуждает к обсуждению политических/этических посланий, которые передаются через методы исследования (см., например, Morawski, 1988).

Мы видим, что критический голос конструкциониста не должен рассматриваться как ликвидирующий что-либо. Наоборот, обозначенные линии критических исследований служат полезным целям денатурализации и демократизации. Денатунализуя «объекты исследования», а также методологии, исследовательские отчеты, статистику и результирующие практики, конструкционистская критика в первую очередь призывает к подобающей скромности. Она обуздывает самонадеянные претензии на безграничную всеобщность, истину вне культуры и истории и факт без интерпретации, породившие широкий культурный скепсис и вызвавшие повсеместное презрение у тех, кто не разделяет эти предпосылки. В то же время подобная критика постоянно приглашает психолога отбросить шоры одного-единственного объяснения и расширить диапазон интерпретативных возможностей, доступных в рамках профессии и культуры. Все, что кажется «совершенно очевидным», могло не стать таковым. Мы вскоре вернемся к этому вопросу.

В дополнение к преимуществам денатурализации эти формы критики так же обеспечивают поддержку плюралистической политике как внутри профессии, так и в отношениях между профессией и ее многочисленной аудиторией. Они «выравнивают игровое поле» психологии, например, давая гуманистам, феноменологам, феминисткам и спиритуалистам равное с бихевиористами и когнитивистами право на свои доводы и результаты. Кроме того, они открывают психологию навстречу множеству иных культурных голосов. Если раньше психология была по большей части глуха к этическим и идеологическим опасениям в отношении своих концепций, методов и социальных эффектов, то критическое исследование делает эти опасения составляющей частью профессионального форума. Такая плюрализация голосов особенно важна, поскольку допущения эмпирической психологии не позволяют ей выявлять собственные предпосылки. Наконец, попытки денатурализации и демократизации способствуют налаживанию диалога между профессией и ее аудиторией, а также установлению форм взаимобмена, которые призваны сделать профессиональную работу не только более понятной, но и более удобной для применения на благо общества. Фактически, если отбросить угрожающую риторику, мы обнаружим, что конструкционистская критика заметно усиливает позиции психологического исследования.

Ревитализация и обогащение

Как я постарался показать, в конструкционистской метатеории нет ничего, что неизбежно говорило бы против эмпирической работы в психологии. По этой же причине конструкционизм не запрещает использования терминов из лексикона психической жизни. В этом смысле те критики конструкционизма, которые обвиняют его в очернении и отрицания Я (Harr_ & Krausz, 1996; Osbeck, 1993) или независимости и уникальности (Fisher, 1995) либо в предпочтении социального над материальным (Michael, 1996), ошибочно принимают метатеоретическую ориентацию за фундаментальную онтологию. Конструкционистская метатеория не отрицает и не

признает существование подобных «явлений» или «процессов». Вопрос состоит не в существовании предполагаемых референтов различных объяснительных или описательных категорий; конструкционизму чужды проблемы фундаментальной онтологии, он предпочитает им проблемы интерпретативного функционирования сообществ. Поэтому традиционные для психологии дискурсы познания, эмоций, мотивации, психического расстройства и т. п. не антагонистичны конструкционистской метатеории. Для конструкциониста это просто репрезентативные формы конструирования личности в рамках эволюционирующего профессионального сообщества, формы, которые имеют тесные и взаимозависимые связи с общими модальностями дискурса в современной культуре (см., например, Cushman, 1995).

Профессиональному психологу ментальные дискурсы приносят огромную коммуникативную пользу. Без общепринятых дискурсов такого рода не существовало бы ничего, чтобы можно было обоснованно назвать «профессией». Однако, легитимируя традицию, ценную своими составляющими, конструкционистская метатеория побуждает к ряду провокационных рассуждений, в том числе следующих: какие формы психологического дискурса следует предпочесть и для какой цели? Для кого и какого типа культурных проектов эти языки полезны? Становятся ли текущие идеи частью профессионального сообщества; могут ли подобные обозначения быть оскорбительными для своих реципиентов? Если профессиональный дискурс осваивается культурой, то какие политики, институты или индивидуальные действия при этом поддерживаются? Какие формы культурной жизни не замечаются или подавляются? И если учесть способность этих дискурсов участвовать в социальных трансформациях, то к каким новым или возобновленным формам дискурса это ведет?

Именно в пространстве этих вопросов мы локализуем вторую ориентацию в отношении психологического исследования, строящуюся на конструкционистской точке зрения. Хотя обсуждение полезности сегодняшних практик имеет важное значение, конструкционизм также дает исследователю свободу дистанцироваться от само собой разумеющихся профессиональных онтологий. Стремление к единогласию («унифицированной психологии») модулируется. При подобном расширении границ интерпретации ученый получает возможность изучать зачатки становящегося способа понимания, формы потенциальной, но нереализованной артикуляции. Я здесь имею в виду не близорукую аккумуляцию «психотрепа», а скорее усердную и внимательную разработку психологического дискурса, связанную со специфическими культурными (моральными/политическими) последствиями. Если психологический язык используется людьми для осуществления культурной жизни, то новые формы языка ведут к альтернативному будущему. При этом альтернативные концепции психического могут поддерживать формы жизни, которые многим людям кажутся более обещающими, чем те, которые считаются сегодня очевидными и несомненными. В этом случае ученый отказывается от проблематичной функции описания «того, что есть», и начинает изобретать языки, говорящие о том, что может быть. Беспристрастное наблюдение открывает возможность того, что мы можем назвать *поэтическим активизмом*.

Хотя конструкционизм и снимает бремя существующих онтологий, путь к значению не может пролегать за пределами традиций некоторого сообщества. Дискурс, созданный вне текстуальных историй конкретной культуры, не только выпадал бы из коммуникации, но и не соответствовал бы ни одной практике. В такой ситуации культурная деятельность прекратилась бы. Поэтому многие дискурсы, выработанные в изолированных академических анклавах, в других областях дискредитируются как «жаргон». Отсюда следует, что конструирование новых значений должно опираться на существующие традиции, но не копировать их полностью. Здесь неплохо было бы обратиться к потенциалу дискурсивного обогащения, осуществляющегося за счет привлечения, во-первых, традиций родной

культуры (историческая археология) и, во-вторых, чужих традиций (культурная экзегеза).

Сначала отметим, что задача дискурсивного обогащения выводит на первый план необходимость сохранения различных психологических традиций, которые иначе были бы уничтожены доминирующими дискурсами. Например, гуманистическая традиция по большей части игнорировалась в базовых профессиональных текстах. Но при всей проблематичности ее дуализма и индивидуализма отказ от гуманистического языка намерений ставит под угрозу культурные институты, которыми мы дорожим (например, демократию, этику). Это же касается и феноменологической теории: несмотря на то, что она была фактически изгнана с появлением бихевиоризма, забвение языка субъективного опыта лишает культуру важного основания для оценки человеческой жизни. Реанимация этих языков — с одной стороны, гуманистического (см., например, Rychlak, 1988) и, с другой стороны, феноменологического (см., например, Polkinghorne, 1988) — при обсуждении современных теоретических и культурных проблем представляет собой очень важное начинание. К значительному расширению ресурсов ведут также попытки психологов оживить герменевтическую традицию (ср. Addison & Packer, 1989; Messer, Sass, & Woolfolk, 1988), играющую центральную роль в понимании психологии как *Geisteswissenschaft*. Герменевтические размышления ценны тем, что противодействуют деперсонализации, обычной для традиционного эмпирического исследования.

Я считаю, что мы можем привлекать наши традиции так же для того, чтобы расширять диапазон «ценностного дискурса». Профессиональная психология была настолько околдована инструменталистским этосом с его акцентом на решении проблем, что главным ее вкладом в культуру стал дискурс дефицита (К. J. Gergen, 1994а, гл. 4). Массивный и постоянно увеличивающийся запас терминов, связанных с психическими болезнями, например, ставит под угрозу социальную идентичность. Будучи пущенным в действие этот дискурс начинает дискредитировать, разобщать и дистанцировать. Вот почему жизненно необходимы дискурсы, предлагающие людям более ценные модели существования, способы конструирования себя и других, которые способствуют ощущению здоровья и благополучия. Среди важных вкладов в этой области я бы выделил первые попытки реконструировать женскую психологию в более перспективном регистре (Belenky, Clinchy, Goldberger, & Tarule, 1986; Gilligan, 1982), предложенную Лифтоном концепцию многоликого Я как источника жизненной гибкости (Lifton, 1993), конструкцию «потока» опыта, созданную Чиксентмихаем (Csikszentmihalyi, 1990), и интерес к мудрости (Sternberg, 1990). Несмотря на свои реалистические склонности, каждый из этих теоретиков основывается на немеханистических традициях, тем самым поддерживая и обогащая языки, которые наделяют людей особыми дарованиями, возможностями и силами.

Есть и другие работы, настроенные на позитивный регистр, которые более прямо опираются на конструкционистскую метатеорию. В них ученые не столько очерчивают специфическую модальность психологического существования, сколько расширяют возможности конструирования себя и других. Например, Эверил и Нанли (Averill & Nunley, 1992) в своей обращенной к неакадемической читательской аудитории книге обсуждают возможность «эмоционально творческой» жизни, которая принимает во внимание социально обусловленный характер эмоциональных выражений. В своей работе «Конструируя жизненный путь» Губриум, Гольштейн и Бакхольдт (Gubrium, Holstein, & Buckholdt, 1994) отказываются от традиционного представления об эпигенетических траекториях развития и исследуют возможности совместного конструирования индивидуального будущего. Эта же ориентация на творческое использование конструирования сегодня характеризует значительную область терапевтической теории и практики (см., например, Anderson, 1996; McNamee & Gergen, 1992; Weingarten, 1991; White & Epston, 1990).

Все это не более чем иллюстрации того, каким образом ученые могут использовать существующие культурные традиции для кристаллизации онтологий

личности и способов понимания, которые более «деятельностны», чем академические формализмы, и которые напрямую связаны с культурной трансформацией. Потенциал такого поэтического активизма еще практически не изучен. Духовные традиции, например, занимают очень важное место в культуре, но они были практически исключены из словаря психолога. Кроме того, диапазон «деятельностного» словаря и нарратива должен быть обогащен чужими традициями, имеющими незападную текстуальную историю. Мы начинаем постепенно осознавать потенциал индийских текстов о сознании (см., например, Paranjpe, 1984), конфуцианской концепции Я (Tu Wei-ming, 1985) и метисских представлений о личности и психическом здоровье (Ramirez, 1983). Процесс взаимоплодотворного сотрудничества находится еще в зачаточном состоянии, и конструкционистская перспектива может сыграть здесь важную роль.

Как мы видим, вторая поддерживаемая конструкционизмом ориентация в отношении психологического исследования делает акцент на воскрешении и обновлении психологических идей в целях расширения дискурсивных ресурсов культуры. Это означает такое обогащение психологии, которое может привести к позитивным преобразованиям в обществе. Однако здесь необходим рефлексивный поворот наподобие того, который мы предприняли, обнаружив границы конструкционистской критики. Три вопроса требуют особого внимания. Во-первых, настоящие предложения могут вызвать впечатление неискренности. Если конструкционизм отменяет любые основания или конечные гарантии для пропозиций, касающихся личности, может заявить критик, то не окажутся ли все последующие попытки «описания и объяснения» — вроде представленных выше — бессодержательными («пустыми словами») или, еще хуже, формами пропаганды? Почему психолог должен принимать их? И какая тогда разница между высказываниями психолога о «потоке», «потенциале многоликости», «мудрости» и т. п. и утверждениями священника о Боге или духовной жизни? В ответ можно сказать, что у конструкционистского ученого нет никаких фундаментальных оснований, чтобы выступать «за» указанные способы понимания. Те или иные описания личности принимаются не потому, что они «истинны», а скорее потому, что как осмысленные интерпретации они предлагают значимые варианты деятельности. Теоретик, говоря о «психологических процессах», должен болезненно переживать потерю доверия или отвращение к себе, которыми сопровождается двуличность, не больше, чем если бы он выкрикнул «фол» во время бейсбольного матча или обвинил своих соседей в насилии над детьми. Доверие и ощущение искренности рождаются в результате коммунального участия и не связаны ни с чем «истинным» или «реальным». В этом смысле психологическая теория не более и не менее истинна, чем спиритизм или физика. Культурные модели понимания пускают ростки в самой разной почве. Однако традиция психического описания ценна и значима, и во многом приоритетна, для основных институтов Запада. Поэтому важность взвешенного, творческого и коммунального подхода к ее дальнейшей разработке сложно переоценить.

Вторая проблема связана с неясностью прагматических следствий из предлагаемых аргументов, точнее, с инструменталистской интерпретацией прагматизма. Как я показал, конструкционизм предлагает ученому рассматривать социальную полезность психологической теории и создавать концепции, преследующие конкретные социальные цели. Это может выглядеть как наделение теоретика ролью великого стратега, пытающегося дать обществу орудия конструирования себя в предпочитаемом теоретиком образе. Теоретик действует инструментально, добиваясь желаемых эффектов в социальном мире. Но хотя конструкционизм и связывает себя с прагматической традицией, ему не подходит инструменталистская концепция прагматики. Инструменталистский подход является во многом плодом индивидуализма, и в частности, допущения о том, что индивиды принимают решения рационально и автономно и стремятся к достижению личных целей. Однако конструкционизм не только отказывается от объективации личности

как рационального агента, но и на основе своих концептуальных выводов строит такой взгляд на человеческое поведение, который прямо противоположен традиционному. Хотя мы вскоре рассмотрим этот взгляд, в данном контексте важно провести различие между конструкционистским и инструменталистским пониманием прагматики. Конструкционизм делает акцент на осмысленной деятельности, укорененной не в индивидуальных сознаниях, а в более обширных паттернах взаимодействия. Поэтому осмысленные действия всегда откуда-то куда-то следуют, т. е. устанавливают взаимозависимость между тем, что было, и тем, что будет. Благодаря конвенции действия поддерживают и/или подавляют то, что было, и одновременно способствуют созданию настоящего, содержащего ростки будущего. Именно потому, что эти «ростки» доступны постоянному обсуждению, последнее является прагматическим в этом более относительном смысле (см. так же Botschner, 1995).

Наконец, критик может констатировать наличие «трансформационистского предубеждения», лежащего в основе всех описанных выше предложений, т. е. извечного стремления к новому, просторному и революционному, которое противопоставляется принятому, традиционному и спокойному. Безусловно, основной подтекст всего вышеизложенного именно таков. Однако это предубеждение следует рассматривать на фоне современного интеллектуального и культурного контекста. В той степени, в которой западная психология является детищем культурного модернизма (К. J. Gergen, 1991), занявшего господствующее положение в культуре — его посылки теперь лежат в основе большинства культурных институтов, — психологии, которая просто поддерживает status quo, практически нечего предложить культуре. Она подобна голосу карлика в хоре гигантов. Конструкционизм не противопоставляется традиции; традиция важна для конструирования значения. Но если мы действительно хотим иметь профессию, которая играет заметную роль в накоплении или расширении ресурсов культуры, то конструкционистские аргументы получают серьезную поддержку. В современную эпоху необходимо не копирование устоявшихся моделей понимания, а творческая концептуализация.

Социальная реконструкция сознания

Мы переходим к третьей ориентации в отношении психологического теоретизирования, развиваемой в конструкционистских текстах, ориентации, которая во многом опирается на изложенные выше аргументы. Как мы видели, традиционная психология подверглась значительной критике из-за своей имплицитной поддержки индивидуалистской идеологии и институтов. Указывается, что сводя человеческую деятельность к психологическим источникам, мы поддерживаем представление о людях как изначально изолированных, стремящихся к личной выгоде и самодостаточных. С традиционной точки зрения отношения являются искусственными продуктами автономно функционирующих индивидов; социальное вторично и производно от индивидуального. Критики показывают, что, проникая в культурную жизнь, подобные концепции натурализуют отчуждение, эгоцентризм и конфликт всех со всеми. К этой критике добавляется вторая из развитых выше логик, а именно, что главной целью исследования с конструкционистской точки зрения должно быть обогащение культурных ресурсов. В частности, разработка новых онтологий способна помочь открыть альтернативные и, возможно, более перспективные направления культурной деятельности. В совокупности обе эти линии аргументации способствуют реконцептуализации индивида в неиндивидуалистических понятиях.

Эта реконцептуализация может принимать разные формы, например, экологическую, социально-структурную и социально-эволюционную. Однако социально-конструкционистская метатеория в первую очередь поддерживает социальное реконституирование индивида. Иными словами, во многих традициях,

входящих в конструкционистское движение, предпочтение отдается социальному, а не индивидуальному. Значительное внимание уделяется, например, языку, диалогу, обсуждению, социальной прагматике, разговорному позиционированию, ритуалу, культурной практике и распределению власти. Как было показано ранее, конструкционистские теоретики не обязаны реализовывать конструкционистскую метатеорию в своих научных/исследовательских описаниях мира или людей. В этом отношении данная метатеория ничего не предписывает. Но поскольку конструкционистская метатеория подразумевает концепцию человеческой деятельности, альтернативную индивидуализированной, это является хорошей причиной для того, чтобы изучить ее потенциал в развитии более социальных или относительных описаний личности. То есть третья конструкционистская ориентация в отношении психологического мира заключается в реконституировании последнего как области социального.

Конечно, попытки концептуализировать индивида как социального актора уже давно заняли свою нишу в интеллектуальном ландшафте (см. обзор Беркита [Burkitt, 1991]). Современные конструкционистские усилия следует рассматривать как продолжение этой традиции. В то же время между нынешними теоретиками существуют серьезные разногласия в отношении центральных конструкционистских положений. Для аналитических целей полезно было бы рассмотреть континуум концептуализаций, на одном полюсе которого находятся те из них, которые близки к традиционному индивидуализму и родственной ему эмпиристской метафизике, а на другом — те, которые ближе к конструкционистским текстам и имплицитному для них постулату первичности отношений. Сначала рассмотрим более консервативный полюс. Концептуализации социального, характеризующиеся соблюдением существующих традиций, 1) делают сильный акцент на специфических психологических состояниях или процессах, 2) предполагают реальность предмета своего изучения (независимую от культурных предпосылок), 3) полагаются на или пытаются утвердить основания для дальнейшего исследования и понимания, 4) трактуют язык анализа как корреспондентный природе, а сопутствующую роль ученого/исследователя — как роль культурного информатора, 5) представляют научные/исследовательские усилия как политически/идеологически нейтральные. В целях сравнения и оценки рассмотрим сначала социальные реконцептуализации, поддерживающие эти традиционные тенденции.

Индивиды как носители культуры

Оппозиция нативизма—энвайронментализма, вокруг которой вращалось большинство дебатов в психологии в XX в., образует контекст одной из наиболее важных попыток социального реконституирования Я. То, что люди испытывают влияние своего культурного окружения, стало уже почти теоретическим трюизмом в психологии. Эта идея получила наибольшее распространение в период гегемонии бихевиоризма, но даже нативистски ориентированные когнитивисты не смогли не пристать — рискуя иначе сесть на мель солипсизма — к этому концептуальному «причалу». Однако то направление, в котором социальные реконструкции развили данную традицию, драматически разрывает как с бихевиористскими, так и с когнитивистскими формулировками. В обоих последних случаях доминирует мощная презумпция того, что индивид наделен определенными психологическими структурами или процессами. В бихевиоризме среда стимулирует или определяет внутренние состояния; в когнитивизме внешние обстоятельства предоставляют сырой материал для когнитивного усвоения. Ни в том, ни в другом случае психический фундамент не создается, не исчезает и не меняется. Именно этим трактовкам оппозируют современные попытки социального реконституирования. Они исходят из того, что не самодостаточный индивид предшествует культуре, а культура определяет базовый характер психологических функций.

Этот круг попыток опирается не только на энвайронменталистскую традицию, но и в большинстве случаев на исторические психологические теории. Например, Брунер в своей знаменитой работе (Bruner, 1990) обращается к Выготскому, Бартлетту, Миду и ряду других значимых психологических фигур в доказательство того, что «культура, а не биология, придает форму человеческой жизни и человеческому сознанию, а также наделяет значением деятельность, помещая стоящие за ней интенциональные состояния в интерпретативную систему» (с. 34). Джеймс Ги (Gee, 1992), наоборот, привлекает множество лингвистических и когнитивных идей в поддержку того, что «индивид интерпретирует опыт посредством „наивных теорий“, которые в совокупности с нелингвистическими модулями сознания побуждают человека говорить и действовать определенным образом» (с. 104). Другие подобные попытки «социализации» Я заимствую многое у Джорджа Келли (Neimeyer & Neimeyer, 1985), Фрейда (Freeman, 1993) и теории объектных отношений (Mitchell, 1993).

В качестве иллюстрации рассмотрим подробное описание индивида как носителя культуры, осуществленное Харре и Жиллетом (Harr_ & Gillett, 1994). Специально заявляя об отказе от дуализма, гипотетико-дедуктивной программы и лабораторного экспериментирования, книга быстро переходит к обсуждению природы психологических состояний и кондиций. Понятия, узнаем мы, являются «основой мышления и выражаются при помощи слов» (с. 21). Кроме того, «мы должны научиться рассматривать сознание как точку пересечения множества структурирующих влияний» (с. 22). Затем авторы предпринимают попытку описания процессов мышления, «когнитивных систем, которые способны справиться со сложностью и разнообразием переживаний реального мира» (с. 79), и индивида как творца собственных действий, опыта и восприятия. Реальность этих процессов не ставится под вопрос, как и то, что они имеют дело с «миром, как он действительно дан... а не каким бы его желали видеть» (с. 49). Дальше целая глава («Дискурс и мозг») посвящена соотношению психических процессов и нейронных сетей. Обсуждение функций мозга служит еще одним средством определения места анализа в «установленном знании», т. е. его оправдания. Заявляемая цель этой книги — обоснование «второй когнитивной революции». То, что предлагаемый анализ пытается осветить истину человеческого существования, является предположением, которое никогда не подвергается рефлексивному рассмотрению. Авторы на протяжении всей работы позиционируют свой дискурс как носителя истины, причем читатели ставятся в позицию непросвещенной аудитории. Книга вообще не рассматривается как идеологически нагруженная. Ее основная цель — сообщить читателю сведения о природе человеческих действий и «доступно изложить основоположения и некоторые исследовательские результаты дискурсивной психологии» (с. viii).

Все указанные попытки концептуализации индивидуального процесса как производной процесса социального представляют собой важный шаг в сторону видоизмененной психологической концепции личности. И хотя многие конструкционисты считают эту объяснительную ориентацию все еще слишком консервативной, резонанс с предшествующей традицией может оказаться ее наиболее существенным риторическим преимуществом. Эти взгляды новы, но не радикально разрушительны; они вступают в диалог с существующими способами понимания и навыками, а не подрывают их; они сотрудничают, а не осуждают. Тогда нужно ли искать альтернативы метафоре индивида как носителя культуры? Многие ответили бы утвердительно. Из-за своей близости существующим традициям, эти ориентации подвергаются риску полного поглощения ими. Они слишком легко становятся кандидатами на эмпирическую оценку, имплицитно восстанавливающую дуалистическую метафизику, которая должна в конце концов привести к отказу от самих этих концепций, поскольку метафизика эмпирического оценивания предполагает, что есть ученый, который может претендовать на истину за пределами

культуры, постижение за пределами «наивной психологии» и универсальность за пределами истории. Если теории сознания как культурного носителя становятся кандидатами на истину, они в конечном итоге обязательно фальсифицируются.

Это не единственная причина расширения границы понимания за рамки представления о личности как носителе культуры. Подобные представления оставляют нерешенными многие проблемы концептуального плана. На главнейший вопрос — вопрос о том, как индивид усваивает культурные смыслы — не находится теоретического ответа. Как я уже показал в другом месте (К. J. Gergen, 1994а, гл. 5), эта проблема неразрешима в принципе. Если психический процесс отражает социальный процесс, то приобретение социального должно происходить без вмешательства психического. Если же психический процесс необходим для понимания социального, то психическое должно предшествовать социальному. Социальный подход к индивиду разваливается. Кроме того, многие конструкционисты находят такие описания недостаточно рефлексивными, не только по причине иерархий, вытекающих из их претензии на авторитет, но и в силу их нечувствительности к этическим и политическим последствиям своей работы. Поэтому нужны альтернативные модели пересмотра личности.

Индивиды как погруженные в культуру

Второе, менее крупное семейство социальных реконституционалистов не так явно связано с традиционными психологическими допущениями. Фокус внимания перемещается в этом случае с экспозиции психологических процессов на характеристику *Я внутри* текущих отношений, с внутренних составляющих культурного опыта на действующий социальный процесс, от которого неотделимо индивидуальное функционирование. В подобных описаниях оппозиция *я—другой* (индивид/культура) фактически уничтожается. На взгляд теоретиков этого потока, традиционная психология предлагает слишком мало концептуальных ресурсов (за исключением отдельных идей Гарри Стака Салливана и Выготского), поэтому надо обратиться к другим традициям. Например, Эдвард Сэмпсон (Sampson, 1993) опирается во многом на Витгенштейна (Витгенштейн, 1994) и Бахтина (Bakhtin, 1981, 1986), доказывая, что «любое значение, включая значение своего Я, укоренено в социальном процессе и должно быть рассмотрено как его текущее сопровождение. Ни значение, ни Я не являются предварительным условием социального взаимодействия, скорее, они возникают и поддерживаются в разговорах, происходящих между людьми» (с. 99). Развивая свой «риторически ответный» подход к человеческой деятельности, Джон Шоттер (Shotter, 1993а) расширяет диапазон релевантных идей, включая в него идеи Вико, Волошинова и Гарфинкеля. Шоттер интересуется тем, как «ответные значения всегда сначала „ощущаются“ или „чувствуются“ внутри диалога... и подвергаются дальнейшему ответному (ощутимому) разворачиванию» (с. 180).

В этом контексте стоит обратить внимание на работу Германса и Кемпена (Hermans & Kempen, 1993) «Диалогическое Я: значение как движение», где те предложили анализ, прямо противоположный анализу Харре и Жиллета. Экстенсивные описания психических процессов у последних можно сопоставить с анализом сознания *sotto voce* у Германса и Кемпена. Например, для этих авторов эмоции являются «риторическими действиями», а самопроизвольность — продуктом участия в диалогическом отношении. Такое более умеренное описание психических процессов является подходящей парой для молчаливого реализма. Авторы так же чувствительны к функции метафоры в своей теоретической работе (с. 8—10), признавая, что их способ обсуждения психических процессов основывается на метафоре нарратива (гл. 2). Избегая поисков оснований, они полагают, что «главная цель данной работы — взять два близких понятия, диалог и Я, и объединить их таким образом, чтобы в результате появился более широкий взгляд на возможности

сознания» (с. xx). И хотя в их анализе порой встречаются данные, использование этих данных не ставит перед собой цели завершения дискуссии. Наоборот, «мы хотим представить некоторые эмпирические разработки, которые послужат иллюстрацией наших более общих теоретических и концептуальных размышлений» (с. xx).

Германс и Кемпен не артикулируют социальные/политические следствия своего исследования; их гораздо больше интересует вклад их работы в академическое сообщество, нежели в общий этос политики. Более показательна в этом плане социальная чувствительность Сэмпсона (Sampson, 1993) и Шоттера (Shotter, 1993a). Анализ Сэмпсона посвящен «прославлению другого», а также способности такой формулировки подрывать власть и прекращать угнетение. Шоттера же (Shotter, 1993b) интересуют политические стороны повседневного взаимодействия и возможность посредством психологии предоставлять маргинальным голосам более широкое пространство выражения.

Относительное конституирование Я

Несмотря на то, что первая ориентация значительно отличается от традиционного психологического способа теоретизирования, а вторая достаточно близка конструкционистской метатеории, существует еще и третья ориентация, более радикальная, чем представление о социальной погруженности индивида. Как было показано, конструкционистская метатеория сводит онтологические положения к языку, а язык — к процессам отношений. Следовательно, все, что можно сказать о психических процессах, выводится из относительных процессов. Если доводить этот взгляд до предела, то это означает возможность разработки такого теоретического способа понимания, в котором ментальные предикаты функционируют нереперенциально, а основной точкой опоры при объяснении служат социальные процессы. То есть мы вполне можем отказаться от объяснения деятельности посредством психологических состояний и реконституировать психологические предикаты в сфере социальных процессов. Эта возможность делается особенно выпуклой в свете обсужденных выше разновидностей исторических и культурных исследований концепций психического. Соглашаясь с исторической и культурной относительностью психологического дискурса, утверждаемой в этих работах, мы перестаем строить современные формулировки на специфической презумпции психологического функционирования. Грубо говоря, мы отказываемся реконституировать индивида как социальное существо на манер предшествующих описаний, поскольку они пытаются найти себе обоснование в универсальных или транскультурных онтологиях сознания.

Возможность депсихологизированного описания человеческой деятельности дает современный дискурсивный анализ. Многие аналитики дискурса в своих работах обходятся без предположения об онтологии дискурсивных конвенций, включая онтологию сознания. В своей замечательной книге «Дискурс и социальная психология» (Potter & Wetherell, 1987) Поттер и Уэверел, например, лишают понятие «установки» психических референтов и используют его для обозначения позиционных высказываний в социальном взаимодействии. Эссе Биллига (Billig, 1990), посвященное памяти, фокусируется на том, как люди договариваются о прошлом, в отличие от традиционного акцента на внутренних процессах памяти. Как говорит Шоттер (Shotter, 1990), память — это «социальный институт» [3]. «Дискурсивная психология» Эдвардса и Поттера (Edwards & Potter, 1992) представляет собой важную попытку замещения когнитивных процессов дискурсивными при объяснении человеческого взаимодействия. Осуществленное Стеннером и Эклстоном (Stenner & Eccleston, 1994) описание «текстуализации бытия» так же резонирует с этой линией аргументации.

Возможно, наиболее полной в этом отношении была предпринятая мной попытка сочетания данной формы теоретизирования и конструкционистской метатеории

(особенно К. J. Gergen, 1994a). Хотя я во многом опирался на предшествующие работы, в данном случае была попытка сделать основной акцент на относительном паттерне в целом. Поэтому при фокальном интересе к дискурсу целью было теоретизировать более сложно устроенные паттерны относительного исполнения (включающие как телесную активность участников, так и различные объекты, украшения и физические обстоятельства, необходимые для того, чтобы сделать акты исполнения понятными). Хотя при этом дискурс часто является главным предметом анализа, устный или письменный язык не исчерпывает весь спектр интересов. Кроме того, при таком описании психологические термины используются не только в процессе личностного атрибутирования (как констатив), но и часто оказываются центральными элементами самого акта исполнения (как перформатив).

Чтобы пояснить, рассмотрим случай эмоций. Эмоциональные категории (например, гнев, любовь, депрессия) могут служить ключевыми элементами разговора, а значит атрибуция эмоций себе и другим имеет исключительное значение для социального взаимодействия. Однако я пришел к выводу, что удобнее рассматривать способы эмоционального исполнения более холистично (К. J. Gergen, 1994a, с. 210—235). В этом случае лингвистические выражения осмысляются как возможные, но не сущностные компоненты действий, которые могут требовать определенных паттернов жеста, взгляда, положения тела (и, возможно, физических артефактов или обстановки), чтобы стать понятными. Здесь я многим обязан работе Эверила (Averill, 1982) об актах эмоционального исполнения. Однако моей целью были выход за границы индивидуального акта исполнения и рассмотрение паттернов взаимодействия, в которые включено исполнение и без которых оно оказалось бы культурным нонсенсом. Поэтому было введено понятие «относительный сценарий», которое обозначает повторяющиеся паттерны взаимодействия (живые нарративы), интегральной частью которых являются «акты психологического исполнения». Так, например, исполнение *гнева* (в которое входят дискурс, выражение лица, телесная позиция) обычно включено в сценарий, в котором необходимым элементом приобретения выражением значения может быть предшествующее *оскорбление*; исполнение гнева также создает почву для последующего *извинения* или *защиты*; в случае, если приносятся извинения, предпочитаемой реакцией на них в рамках западного сценария будет *прощение*. На этом сценарий может быть завершен. Все действия, образующие последовательность — начиная с оскорбления и заканчивая прощением, — нуждаются друг в друге для обретения легитимности. Такой анализ так же применим к другим формам психологического исполнения (см., например, К. J. Gergen, 1994b, где дается относительное описание памяти).

В отличие от большинства подходов в рамках дискурсного анализа (и анализа разговорной речи), подобное описание не требует обязательного привлечения данных. Перед ним не стоит цель отыскать истину; вместо достижения объективности задачей исследования становится обретение понятности. Это не исключает того, что я позиционирую читателя как «незнающего», но при этом мое описание становится уязвимым в качестве «знающего». Фактически интерпретация не может стать понятной без согласия читателя. Кроме того, дискурсивный анализ по большей части ограничивается актом репрезентации; как и в традиционном исследовании, определение вытекающих из него практических следствий (если они есть) остается за читателем. Я же в соответствии с конструкционистской метатеорией и ее акцентом на практической ценности языка попытался выйти за рамки печатного текста, чтобы обнаружить или разработать релевантные культурные практики. Например, если определенный эмоциональный сценарий наносит вред его участникам, то как они могут осмысленно изменить знакомый образ действия? То есть я постарался повысить практическую ценность теоретического дискурса для паттернов повседневной жизни (см., например, McNamee & Gergen, 1999). И если подавляющая часть (но не все) дискурсивных исследований политически нейтральна, то предложенное описание

открыто противопоставляется индивидуалистской идеологии и связанным с ней практикам.

Хотя эти попытки относительного реконституирования Я более радикальны, чем предшествующие альтернативы, в конце концов мы должны также выяснить и их ограничения. С одной стороны, многие ученые находят их излишне отвлеченными, что мешает переносу их в более привычные (и профессионально принятые) формы деятельности. С другой стороны, социологически ориентированные исследователи считают, что эти описания чересчур микросоциальны. На самом деле можно было бы переписать «сознание» как коллективный феномен, показав, что разум, память и т. п. распространены в определенных организациях или культурах (см., например, Douglas, 1986). Третьим эта ориентация покажется слишком элитарной. Предлагаемый анализ понятен только академически привилегированным индивидам. Наконец, акцент на отношениях рассматривается как угроза значимым ценностям индивидуалистской традиции (например, демократии, гуманизму, равенству). При этом недостаточно внимания было уделено позитивному характеру традиции, которая тем самым подвергается опасности.

Заключение

Как мы обнаружили, социальный конструкционизм, несколько не исключая психологическое исследование, играет генеративную роль, расширяя и обогащая потенциал последнего. Конструкционистское стремление к денатурализации и рефлексии не только помогает ученому увидеть, какой вклад его работа может внести в моральное и политическое устройство культуры, но и открывает профессиональное поле навстречу более широкому диапазону способов понимания. Особенно важными оказываются формы диалога, которые связывают дисциплину с ее культурным окружением, при этом так взаимно трансформируя способы понимания, что психология начинает играть более значимую роль в обществе. Конструкционистские идеи так же приглашают ученого раскрыть возможности оживления и обогащения компендиума понятий ментального дискурса. Обращая особое внимание на моральный и политический контекст, ученый включается в такие практики теоретической поэтики, которые ставят культуру перед лицом новых, забытых или вытесненных способов понимания, а значит, новых альтернатив действия. Наконец, мы увидели, каким образом конструкционистские идеи могут стимулировать разработку социальных альтернатив традиционной концепции самодостаточного индивида. Во многом такие модели пересмотра личности должны стать ресурсами социального изменения. Антагонизм между конструкционизмом и психологическим исследованием не неотвратим. Наоборот, благодаря конструкционистской метатеории у нас есть все основания верить, что психология способна сыграть более значимую роль в обществе, чем это было до сих пор.

Примечания

[1] Хотя для целей данного эссе удобно говорить о социальном конструкционизме как о единой традиции понимания, это затушевывает многочисленные различия, существующие между теми, кто вносит свой вклад в эти диалоги. Я думаю, что настоящее исследование отражает ряд ключевых предположений, лежащих в основе таких диалогов, но это не значит, что разговор окончен или что я говорю от лица всех.

[2] Сборку соответствующей современной исторической литературы можно найти в Graumann and Gergen (1996).

[3] Как и в случае многих упомянутых выше авторов, исследования Шоттера нельзя классифицировать *in toto*. Его акцент смещается с одного на другое; иногда он отдает предпочтение подходу в рамках идеи культурной погруженности, а иногда — представлению об относительном конституировании.

Литература

- Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеевой. — М.: Гнозис, 1994. — С. 75—319.
- Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова. — М.: Прогресс, 1975.
- Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / Пер. с англ. А. Л. Никифорова // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Общ. ред. И. С. Нарского. — М.: Прогресс, 1986. — С. 467—523.
- Addison, R. B., & Packer, J. J. (Eds.). (1989). *Entering the circle: Hermeneutic inquiry in psychology*. Albany: State University of New York Press.
- Anderson, H. (1996). *Conversation, language, and possibilities: A postmodern approach to psychotherapy*. New York: Basic Books.
- Averill, J. R. (1982). *Anger and aggression*. New York: Springer.
- Averill, J. R., & Nunley, E. P. (1992). *Voyages of the heart*. New York: Free Press.
- Bakhtin, M. M. (1981). *The dialogic imagination*. Austin: University of Texas Press.
- Bakhtin, M. M. (1986). *Speech genres and other late essays*. Austin: University of Texas Press.
- Bazerman, C. (1988). *Shaping written knowledge: The genre and activity of the experimental article in science*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Belenky, M., Clinchy, B. M., Goldberger, N. R., & Tarule, J. M. (1986). *Women's ways of knowing*. New York: Basic Books.
- Bellah, R. N., Mansen, R., Sullivan, W. M., Swidler, A., & Tipton, S. (1985). *Habits of the heart*. Berkeley: University of California Press.
- Billig, M. (1990). Collective memory, ideology, and the British royal family. In D. Middleton & D. Edwards (Eds.), *Collective remembering*. London: Sage.
- Botschner, J. (1995). Social constructionism and the pragmatic entente: A reply to Osbeck. *Theory & Psychology*, 5, 145-151.
- Bradley, B. S. (1989). *Visions of infancy: A critical introduction to child psychology*. Cambridge: Polity.
- Bruner, J. (1990). *Acts of meaning*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Budge, G. S., & Katz, B. (1995). Constructing psychological knowledge: Reflections on science, scientists and epistemology in the *APA Publication Manual*. *Theory & Psychology*, 5, 217-232.
- Burkitt, I. (1991). *Social selves: Theories of the social formation of personality*. London: Sage.
- Burkitt, I. (1996). Social and personal constructs. *Theory & Psychology*, 6, 71-77.
- Corbin, A. (1986). *The foul and the fragrant*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Coulter, J. (1983). *Rethinking cognitive theory*. New York: St. Martin's Press.
- Csikszentmihalyi, M. (1990). *Flow: The psychology of optimal experience*. New York: Harper & Row.
- Cushman, P. (1995). *Constructing the self, constructing America: A cultural history of psychotherapy*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Danziger, K. (1990). *Constructing the subject*. New York: Cambridge University Press.
- Deese, J. (1984). *American freedom and the social sciences*. New York: Columbia University Press.
- Douglas, M. (1986). *How institutions think*. Syracuse, NY: Syracuse University Press.
- Edwards, D., & Potter, J. (1992). *Discursive psychology*. London: Sage.
- Fisher, H. (1995). Whose right is it to define the self? *Theory & Psychology*, 5, 323-352.
- Foucault, M. (1980). *Power/knowledge*. New York: Pantheon.
- Fowers, B. J., & Richardson, F. C. (1996). Individualism, family ideology, and family therapy. *Theory & Psychology*, 6, 121-151.
- Freeman, M. (1993). *Rewriting the self: History, memory, narrative*. New York: Routledge.
- Garfinkel, H. (1967). *Studies in ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Gee, J. G. (1992). *The social mind*. New York: Bergin & Garvey.
- Gergen, K. J. (1987). The language of psychological understanding. In H. H. Stam, T. B. Rogers, & K. J. Gergen (Eds.), *The analysis of psychological theory*. New York: Hemisphere.
- Gergen, K. J. (1991). *The saturated self*. New York: Basic Books.
- Gergen, K. J. (1994a). *Realities and relationships*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Gergen, K. J. (1994b). Mind, text, and society: Self memory in social context. In U. Neisser & R. Fivush (Eds.), *The remembering self*. New York: Cambridge University Press.
- Gergen, K. J., & Gergen, M. M. (1976). Narrative form and the construction of psychological science. In T. Sarbin (Ed.), *Narrative psychology*. New York: Praeger.
- Gergen, K. J., Gulerce, A., Lock, A., & Misra, G. (1996). Psychological science in cultural context. *American Psychologist*, 51, 496-503.
- Gergen, M. M. (1988). Toward a feminist metatheory and methodology in the social sciences. In M. M. Gergen (Ed.), *Feminist thought and the structure of knowledge*. New York: New York University Press.
- Gigerenzer, G. (1996). From tools to theories: Discovery in cognitive psychology. In C. Graumann & K. J. Gergen (Eds.), *Historical dimensions of psychological discourse*. New York: Cambridge University Press.
- Gilligan, C. (1982). *In a different voice: Psychological theory and women's development*. Cambridge, MA:

- Harvard University Press.
- Gordon, R. (1990). *Anorexia and bulimia*. Oxford: Blackwell.
- Graumann, C. F., & Gergen, K. J. (Eds.). (1996). *Historical dimensions of psychological discourse*. New York: Cambridge University Press.
- Gubrium, J., Holstein, J., & Buckholdt, D. (1994). *Constructing the life course*. Dix Hills, NY: General Hall.
- Hacking, I. (1995). *Rewriting the soul*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hare-Mustin, R., & Marecek, J. (1988). The meaning of difference: Gender theory, postmodernism, and psychology. *American Psychologist*, 43, 455-464.
- Harr, R. (Ed.). (1986). *The social construction of emotion*. Oxford: Blackwell.
- Harr, R., & Gillett, G. (1994). *The discursive mind*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Harr, R., & Krausz, M. (1996). *Varieties of relativism*. Oxford: Blackwell.
- Heelas, P., & Lock, A. (Eds.). (1981). *Indigenous psychologies: The anthropology of the self*. London: Academic Press.
- Held, B. (1995). *Back to reality: A critique of postmodern theory in psychotherapy*. New York: Norton.
- Hermans, J. J. M., & Kempen, H. J. G. (1993). *The dialogical self: Meaning as movement*. San Diego, CA: Academic Press.
- Kessler, S. J., & McKenna, W. (1978). *Gender: An ethnomethodological approach*. New York: Wiley.
- Kirschner, S. R. (1996). *The religious and romantic origins of psychoanalysis*. New York: Cambridge University Press.
- Latour, B., & Woolgar, S. (1979). *Laboratory life: The social construction of scientific fact*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Lifton, R. J. (1993). *The protean self*. New York: Basic Books.
- Lopes, L. L. (1991). The rhetoric of irrationality. *Theory & Psychology*, 1, 65-82.
- Lutz, C. (1988). *Unnatural emotions*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- McNamee, S., & Gergen, K. J. (Eds.). (1992). *Therapy as social construction*. London: Sage.
- McNamee, S., & Gergen, K. J. (Eds.). (1999). *Relational responsibility*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Messer, S. B., Sass, L. A., & Woolfolk, R. L. (Eds.). (1988). *Hermeneutics and psychological theory*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Mitchell, S. (1993). *Hope and dread in psychoanalysis*. New York: Basic Books.
- Morawski, J. G. (Ed.). (1988). *The rise of experimentation in American psychology*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Morawski, J. G. (1994). *Practicing feminisms, reconstructing psychology: Notes on a liminal science*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Neimeyer, G. J., & Neimeyer, R. A. (1985). Relational trajectories: A personal construct contribution. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2, 325-349.
- Osbeck, L. (1993). Social constructionism and the pragmatic standard. *Theory & Psychology*, 3, 337-349.
- Paranjpe, A. (1984). *Theoretical psychology: Meeting of East and West*. New York: Plenum.
- Parker, I., Georgas, E., Harper, D., McLaughlin, T., & Stowall-Smith, M. (1995). *Deconstructing psychopathology*. London: Sage.
- Parker, I., & Shotter, J. (Eds.). (1990). *Deconstructing social psychology*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Polkinghorne, D. E. (1988). *Narrative knowing and the human sciences*. Albany: State University of New York Press.
- Potter, J., & Weatherell, M. (1987). *Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior*. London: Sage.
- Ramirez, M. (1983). *Psychology of the Americas: Mestizo perspectives on personality and mental health*. Elmsford, NY: Pergamon.
- Rose, N. (1990). *Governing the soul*. London: Routledge.
- Rychlak, J. F. (1988). *The psychology of rigorous humanism* (2nd ed.). New York: New York University Press.
- Sampson, E. E. (1977). Psychology and the American ideal. *Journal of Personality and Social Psychology*, 35, 767-782.
- Sampson, E. E. (1993). *Celebrating the other: A dialogic account of human nature*. Boulder: Westview.
- Sarbin, T. R. (Ed.). (1986). *Narrative psychology*. New York: Praeger.
- Sarbin, T. R., & Mancuso, J. C. (1980). *Schizophrenia: Medical diagnosis or verdict*. Elmsford, NY: Pergamon.
- Shotter, J. (1990). The social construction of remembering and forgetting. In D. Middleton & D. Edwards (Eds.), *Collective remembering*. London: Sage.
- Shotter, J. (1993a). *Conversational realities*. London: Sage.
- Shotter, J. (1993b). *Cultural politics of everyday life*. Toronto: University of Toronto Press.
- Smedslund, J. (1978). Bandura's theory of self-efficacy: A set of common sense theorems. *Scandinavian Journal of Psychology*, 19, 1-14.
- Spacks, P. M. (1995). *Boredom: The literary history of a state of mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Spector, M., & Kitsuse, J. I. (1977). *Constructing social problems*. Menlo Park, CA: Cummings.
- Stenner, P., & Eccleston, C. (1994). On the textuality of being. *Theory & Psychology*, 4, 85-103.
- Sternberg, R. J. (Ed.). (1990). *Wisdom: Its nature, origin, and development*. New York: Cambridge

- University Press.
- Soyland, A. J. (1994). *Psychology as metaphor*. London: Sage.
- Tiefer, L. (1992). Social constructionism and the study of human sexuality. In E. Stein (Ed.), *Forms of desire*. New York: Routledge.
- Tu Wei-ming. (1985). Selfhood and otherness in Confucian thought. In A. J. Marsella, G. Devos, & F. L. K. Hsu (Eds.), *Culture and self: Asian and western perspectives*. New York: Tavistock.
- Wallach, M. A., & Wallach, L. (1983). *Psychology's sanction for selfishness*. San Francisco: W. H. Freeman.
- Wallach, L., & Wallach, M. A. (1994). Gergen versus the mainstream: Are hypotheses in social psychology subject to empirical test? *Journal of Personality and Social Psychology*, *67*, 223-242.
- Weingarten, K. (1991). The discourse of intimacy: Adding a social constructionist and feminist view. *Family Process*, *30*, 285-305.
- White, M., & Epston, D. (1990). *Narrative means to therapeutic ends*. New York: Norton.
- Wiener, M., & Marcus, D. (1994). A sociocultural construction of "depression". In T. Sarbin & J. Kitsuse (Eds.), *Constructing the social*. London: Sage.